

Какрошюс Эймунтас

4 10 09

Ольга Егошина

Эймунтас Някрошюс предупредил, что он показывает в Петербурге только эскиз будущего спектакля – четыре песни Ветхого Завета из восьми. Потом все будет не в маленьком пространстве, а на большой сцене. А на заднем плане непременно будет небо. Вероятно, через пару месяцев мы увидим полную версию постановки в Москве.

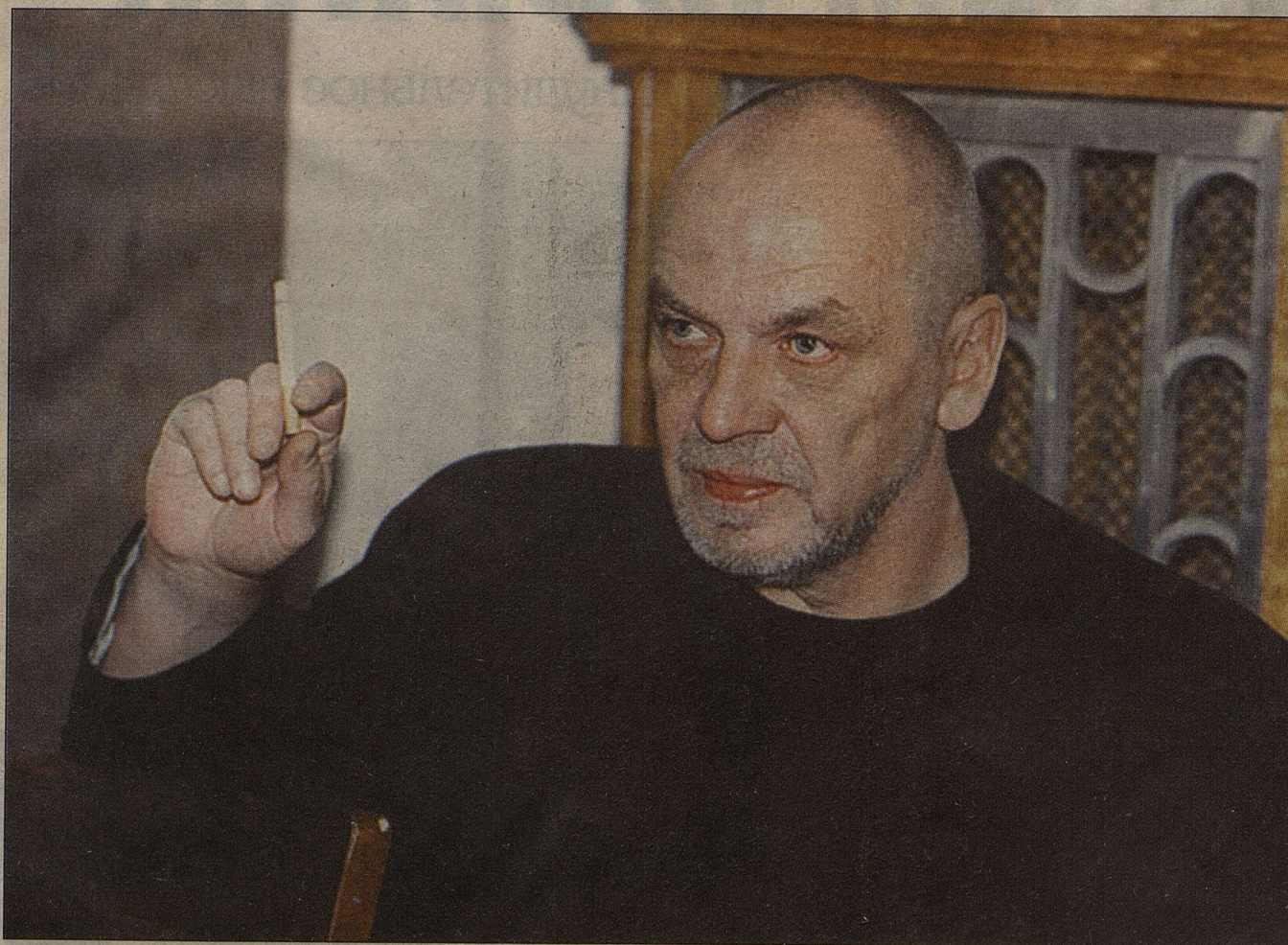
Три юные девушки подметают доски сцены. Надевают очки, достают свитки, медленно начинают вчитываться в те, бессмертные, божественно-непристойные, раскаленные строки: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина!». Но написанные слова только знаки, только надгробные камни когда-то бушевавшей лавы чувств. В спектакле Эймунтаса Някрошюса библейский текст звучит редко. Режиссер пытается воссоздать мир, где рождаются эти слова; понять, что такое любовь, которая «крепка, как смерть», что такое ревность, которая «люта, как преисподняя, стрелы ее – стрелы огненные»...

Красное яблоко на тонкой нитке висит над головами. Не дотянуться, не допрыгнуть, не сбить... Рыжая Девушка (Алдона Бендориоте) встречается глазами с Парнем (Салвиус Трепулис), вспыхивает и хочет бежать... Миг, когда мир делится на две неравные части. Он/она и все остальные. Из толпы выходят двое. Суламифь и Соломон? Рыжий пастушок с пастушкой? Он и Она. И для них пришло время песни песней.

Любовь – это соприкосновение взглядов и жаркий страх быть рядом. Любовь – это удары железа о железо, в такт которым стучит сердце. Это безмолвная песня, раздрающая уста и сводящая с ума. Любовь – мешок на голове: ничего не видеть, кроме того тайного, что в тебе. Полеты куда-то ввысь: подкидывают над головами, все выше, выше, все опаснее... Это счастливое предсмертное изнеможение. И болезненная лихорадка, которая сгибает и бьет тонкое тело. Это интенсивная жизнь каждой клеточки – на пределе возможного. Это израненные и кровоточащие босые ноги. Любовь – это тоненькая дощечка, по которой бежит Девушка-Душа мимо всех, занятых такими полезными делами: кто-то пилит, кто-то рубит, кто-то

СЕРДЦЕБИЕНИЕ ТЕЛ

На фестивале «Балтийский дом» показали «Песнь песней» Эймунтаса Някрошюса

Знаменитый режиссер обратился на сцене к Библии.

строит дом. А она не может строить и хлопотать. Все что может: нитка за ниткой плести сеть-паутинку, чтобы поймать в нее возлюбленного... Любовь – это бешеный топот копыт и упорные попытки удержать этот табун желаний. Любовь – серебристый смешной паучок, опустившийся откуда-то сверху и зацепившийся за руку ниткой, которую не скинуть. Любовь – это ненависть мира вокруг. Соглядатаи. Судьи. Родственники. Собственники. Тыся-

чи и тысячи помех, внутренних и внешних. Когда кинут в деревянный ящик-гроб и будут швырять в него камни, чтобы завалить этот невозможный позор, эту бесстыдницу, которая любит. «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему». Любовь – железные цепи, опутывающие ноги. И огонь свечей, горящих на кончиках шестов: хочешь схватить – они гаснут. «Песнь песней» однообразна, как однообразна страсть, и также неповторима.

Она соотносится с другими театральными постановками примерно как стихотворение с прозой: другие монтажные связи, иная метафорическая природа, сцепление образов не через логику, а через рифму, развитие, подчиняющееся внутренним требованиям размера и ритма. Шаг за шагом выстраивает режиссер всю сложнейшую партитуру отношений пары, всю радость-страдание их связи. Кинулась в объятья и тут же прочь. Поцелуй на бегу. Боязнь смотреть

друг на друга и невозможность отвести взгляд. Женщина, которую несешь, как тяжелую ношу, пытаешься скинуть и не можешь этого сделать. Решетка, вырастающая между двумя: со всем бытовым сором (какими-то тряпками, рубашками, простынями), налипшими на ней. И безумные поцелуи ее следов, хранящих тепло босой ноги. Эймунтас Някрошюс в очередной раз творит чудо из подручных средств: яблока, проволоки, мотков веревок, досок, мешков, палок, железной цепи, трубы, бумаги, скатерти, железного столба с перекладиной наверху. Деревянный угол, пара досок, пара жердей – и готова лодка. Тяжело ворочая веслами, женщина плывет на утлом суденышке среди моря, вычерпывая воду железной кружкой. А двое преследователей, легко взмахивая палками-веслами, догоняют ее на деревянной доске.

Все понарошку – и все всерьез. Проволочный паучок ловит в сети. Деревянный буравчик сверлит грудь. Но тоска, но счастье и страх, но интенсивность проживания каждого мига – они настоящие. И только пройдя через боль страдания, узнав счастье и полет, изнеможение и предсмертную истому, твои губы смогут это сказать: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». Тысячу лет назад написанные слова обретают смысл и объем, страсть и нежность, истину и высоту. Собранные вместе десятки свитков любовных слов сложатся в абрис органа. Однообразный и монотонный звук сложится в мелодию.

Зачем люди ходят в театр? Иногда кажется, что их ведет глубоко спрятанная надежда на чудо. Вот начнется действие, и с тобой произойдет то, что когда-то пережил Николай Ростов, слушая пение Наташи: «И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и все в мире сделалось разделенным на три темпа... Вот оно – настоящее». И самое главное для тебя сейчас – чтобы дотянулся до яблока, чтобы доплыла до любимого, чтобы не отрывались губы: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина!».

МИХАИЛ ГОТТЕРМАН

ТЕЛЕГРАФ